

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ИЛЛЮЗИЯ: ПРАГМАТИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МАЙКЛА РИФФАТЕРА

В статье приведен исторический анализ появления идеи референциальной иллюзии в литературной теории. Объект исследования описывается в контексте предшествующих понятий теории литературы, таких как «интенциональная иллюзия» и «аффективная иллюзия», что позволяет сравнить их и выявить основные отличия. Философско-антропологический анализ понятия «референциальной иллюзии» позволяет продемонстрировать эффективность ухода от критики к попытке осознания функции и необходимости подобных феноменов внутри литературного опыта.

Ключевые слова: интенциональная иллюзия, аффективная иллюзия, референциальная иллюзия, референт, литература.

В словаре «Ключевые слова семиотики» [2], даётся следующее определение слову «иллюзия»: «The term fallacy ... means deceptive appearance, misleading argument, delusion, error» [2, p. 85] - «Под понятием иллюзия понимается обманчивый вид, вводящий в заблуждение аргумент, обман, ошибка».

Далее авторы предлагают читателю ряд комбинаций, в которых чаще всего может быть обнаружен данный термин. Наряду с такими более популярными словосочетаниями как «интенциональная иллюзия» и «аффективная иллюзия», которые стали знаковыми в работах теоретиков американской Новой Критики, авторы упоминают и «референциальную иллюзию». Несмотря на то, что в словаре эти понятия помещены в один ряд, в критической литературе встретить их в одном смысловом разделе практически невозможно. Так, в одной из наиболее авторитетных работ в данной области, а именно в «Демоне теории» Антуана Компаньона [1], каждое из этих понятий обсуждается в различных главах и различных теоретических контекстах.

Нам видится *актуальным* рассмотрение проблемы референциальной иллюзии в литературной теории по нескольким причинам. Во-первых, данное понятие необходимо ввести в контекст предшествующих исследований и показать, какие общие методы и характеристики способны свести референциальную, интенциональную и аффективную иллюзии в единой исследовательской перспективе. Во-вторых, особая актуальность проделанной нами работы связана с тщательным разбором статьи Майкла Риффатера «Референциальная иллюзия» [4], которая не только не была переведена на русский язык, но и является библиографической редкостью, в связи с чем доступ к ней весьма ограничен. И в третьих, анализ теоретических разработок Майкла Риффатера по данному вопросу способен указать на выход из замкнутой неплодотворной системы критического отрицания предшествующих теоретиков, которую необходимо сменить более глубоким функциональным подходом к анализу проблемы.

Референциальная иллюзия: традиция наименования

Человеком, который утвердил термин «референциальная иллюзия» в литературной теории стал Майкл Риффатер, опубликовавший в 1978 году одноимённую статью «Референциальная иллюзия» [4]. Название статьи стало результатом традиции, сложившейся в академических кругах середины XX века. Так, огромную известность получили работы Уимсета и Бёрдсли, с их лаконичными заглавиями и уникальной структурой доказательства своих аргументов.

Уимсет и Бёрдсли публикуют два эссе – «The Intentional Fallacy» [7] и «The Affective Fallacy» [6], которые являлись определенно рода манифестацией новаторского метода Новой Критики. Оба текста были абсолютно апофатичными, так как в них речь шла лишь о том, какие тезисы предшествующей теории литературы Новая Критика отрицает и опровергает, без указания на собственные методологические предписания. Следуя подобной же логике, разберемся, против чего выступала Новая Критика и что предлагал взамен.

Общий элемент названий обоих эссе, говорит о необходимости параллельного прочтения (и реализации) прописанных в них установок. Это общее *fallacy* (традиционно переводимое как «иллюзия», но куда более уместным в данном контексте было бы слово «ошибка»), раскрывает обвинительный характер этих работ. Уимсет и Бёрдсли вскрывают проблему *интенциональности* и *аффективности* в теории литературы. При этом, авторы строго разделяют эти два понятия. В первом случае иллюзия обнаруживает себя в отношении между текстом (в оригинале, поэмой) и её истоками, в то время, как во втором – между текстом и его результатами. Обобщая, можно говорить, что Уимсет и Бёрдсли пытались в своих работах описать две уже давно ставших классическими проблемы литературной теории, а именно, отношения автор-текст и читатель-текст в контексте определения роли первых элементов в этих связках.

В первом эссе «The Intentional Fallacy» Уимсет и Бёрдсли выступают против трех традиционных методологических вопросов к тексту, предложенных Гете: «What did the author set out to do? Was his plan reasonable and sensible, and how far did he succeed in carrying it out?» [7, p. 5] – «Что автор намеревался сделать? Была ли его задумка приемлемой и осмысленной, и чего он достиг в её реализации?». Согласно новому критическому методу эти вопросы не имеют смысла, так как они лишь мешают чтению, концентрируя внимание читателя на биографических, социальных, исторических деталях, вместо непосредственно текстуальных. То есть, авторская интенция должна игнорироваться при критическом прочтении текста, чтобы дать ему возможность полного раскрытия. «A poem should not mean but be» [7, p. 3] – «Стихотворение не должно значить, но быть» – лаконичная формула, которой авторы упраздняют прошлое время текста, а вместе с ним и ранее существующий контекст. Место имеет только настоящее, в котором текст свершается и прочитывается читателем в полном абстрагировании от внешней по отношению к тексту информации. Внимания заслуживают только внутренние характеристики, такие как форма, ритм, рифма, метрические и стилистические особенности, грамматические конструкции и обороты, всё остальное – иллюзия, уводящая нас от истинного содержания.

Эссе Уимсета и Бёрдсли «The Affective Fallacy» [6] направлено на вскрытие проблем второго рода отношений – читатель-текст. В этом случае авторы отрицают важность влияния, оказанного текстом на читателя при критическом анализе. Внимание к этой стороне обязывало бы критиков обращаться ко всем нюансам индивидуальной биографии и психологии читателя с целью объяснения того или иного

результата воздействия текста. Но даже такой пристальный анализ не несет в себе никакой полезности в отношении понимания текста. Более того, авторы настаивают, что «The Affective Fallacy is a confusion between the poem and its results (what it is and what it does), a special case of epistemological skepticism [. . . which . . .] begins by trying to derive the standard of criticism from the psychological effects of the poem and ends in impressionism and relativism [with the result that] the poem itself, as an object of specifically critical judgment, tends to disappear» [6, p. 31] – «Аффективная иллюзия – это путаница между стихотворением и его результатами (чем оно является и что делает), уникальный случай эпистемологического скептицизма, который начинается с попытки выведения критических стандартов из психологических эффектов стихотворения и оканчивается импрессионизмом и релятивизмом, в результате чего стихотворение само по себе, в качестве объекта определенного критического суждения, стремится к исчезновению». Таким образом, аффективная иллюзия заставляет критиков и читателей концентрировать свои интерпретационные усилия на неустойчивых и не схватываемых параметрах произведения, которые не могут привести анализ к плодотворному результату. Исследование читательской рецепции авторы статьи оставляют социальной истории и антропологии, в то время как литературная критика, по их мнению, должны концентрироваться на собственном объекте – произведении самом по себе.

Косвенность как способ репрезентации реальности

Риффатер утверждал, что единственное средство, через которое поэзия и литература могут репрезентировать реальность – это *косвенность (indirection)*. Оказываясь внутри литературного языка, вещи не могут быть переданы в своей подлинности, но вместо этого предстают в качестве *an esthetic object with emotional connotation* – «эстетического объекта с эмоциональными коннотациями» [4, p. 21].

В литературной теории понятие «косвенности» чаще всего возникает в разделах, посвящённых авторской интенции и возможностям текста. Согласно Риффатеру косвенность отображения предметов в поэзии и литературе может быть воспринята только благодаря мимезису, репрезентации реальности. Внутри поэтического текста постоянно обнаруживаются своего рода несоответствия, которые и позволяют констатировать косвенность изображенного в тексте. Риффатер приводит три основных элемента, вызывающих необходимый отклик:

- перемещение («displacing») – способ смещение смысловой нагрузки от одного знака к другому. Наиболее распространённым примером подобного сдвига является метафора, использующая сходство между объектами в качестве связующего элемента разных смыслов, представленных одним знаком;
- искажение («distorting») – намеренное использование двусмысленности, противоречия или нон-сенса, которые сигнализируют о не прямой передаче смысла;
- создание смысла («creating meaning») – специфический способ организации текстового пространства, при котором знаки состоят из языковых единиц, не обладающих особым значением. Так, например, строго выстроенная симметрия произведения или рифма привносит в знак смысл, свойственный языковой единице, формально связанной с ним.

Перечисленные выше моменты проступания сквозь текст косвенности и ранее замечались теоретиками, но интерпретировались односторонне. Интерес исследователей ограничивался фигурой автора и его произведением, в пространстве которого осуществлялось не прямое разворачивание смысла. Для Риффатера такое понимание косвенности является не только устарелым, но и совершенно не приносящим должных теоретических результатов. Вместо этого, исследователь предлагает иной, более эффективный метод, а именно «to take into account the reader and the poem simultaneously [. . .]. For the locus of the literary phenomenon is not in the author . . . nor is it in the text alone: it is in the dialectic between text and reader» – («учитывать читателя и стих одновременно . . . Так как месторасположение литературного феномена не в авторе . . . и ни в одном только тексте: он в диалектике между текстом и читателем») [4, p. 21]. Иными словами, именно читатель выступает воспринимающим субъектом, способным реагировать на несоответствие изображенных в тексте предметов и окружающей реальности, точно так, как и читатель становится тем субъектом, в сознании которого разворачивается референциальная иллюзия.

«Референт» Огдена и Ричардса: подтверждение косвенности

Что изображено в поэтическом тексте? Окружающий мир, привычные предметы и вещи? Нет, читая литературный текст, воспринимая и интерпретируя каждое слово, мы получаем представление лишь о *референтах*, но никак не о реальных вещах. В самом начале статьи Риффатер акцентирует внимание на том, что человек склонен переносить качества обыденного языка в поле литературы и считать, что слова обретают значение только в по отношению к вещам [4, p. 21]. Это последнее слово – «вещи», по ряду причин не удовлетворяет Риффатера, из-за чего он обращается к понятию «референт», которое было предложено Огденом и Ричардсом (1923) в их совместной работе «The meaning of the meaning» [3].

В своём труде Огден и Ричардс предлагают один из вариантов семиотического треугольника, в углах которого находятся «слово», «мысль» и «референт». Примечательно, что авторов, как и Риффатера через 55 лет, не удовлетворяет расхожее использование слова «вещь» в аналитических работах. Дело в том, что такое обыденное понятие вызывает исключительно материальные ассоциации, тем самым ограничивая функции, которые приписываются этому компоненту треугольника. Во избежание неточности и двусмысленности авторы предлагают технический термин «референт», который будет «stand for whatever we may be thinking of or referring to» [3, p.9] - («представлять всё, что мы можем помыслить или на что можем сослаться»).

Интересным является рассмотрение отношений, которые выстраиваются между парами углов данного семантического треугольника:

- слово-мысль: отношение имеет каузальный характер, слово выступает наиболее точной языковой единицей, передающий конкретный смысл;

- мысль-референт: прямая соотнесённость между этими двумя понятиями обусловлена тем, что говорящий или пишущий совершенно чётко представляет себе вещь, о которую он мыслит;

- слово-референт – единственная пара, для которой характерно не прямое отношение: «Between the symbol and the referent there is no relevant relation other than the indirect one, which consists in its being used by someone to stand for a referent» [3, p.11]. - («Между словом и референтом не существует другого адекватного отношения кроме косвенного, которое заключается в использовании кем-то для представления референта»).

Именно это отсутствие прямой связи между словом и репрезентируемым предметом, сформулированное Риффатером как косвенность и служит исходной точкой в его аргументации. Это обусловлено тем, что в литературе (как, на самом деле, и в обыденном языке) человек часто говорит о тех вещах, которые не существуют в действительности: вымышленные истории, ложь или иллюзия. Именно в таких случаях мы используем референт, который является «an object or state of affairs in the external world, identified by means of a word or expression» [5, p.183]. - («объектом или положением дел во внешнем мире, определенными смыслами слова или выражения»). По сути, для Риффатера это значит, что референт является пустотой, которая заполняется наличием знаков. Иными словами, вся литература должна пониматься как некое пространство, переполненное символами, не имеющими эквивалента в невербальной реальности. Но очевидное для Риффатера умозаключение, по его же мнению, не пользуется особой популярностью среди теоретиков и обычных читателей, из-за чего «референциальная иллюзия» продолжает искажать восприятие литературного текста. Поэтому главной целью Риффатера становится не радикальное отрицание существования внешней по отношению к тексту реальности, а лишь попытка продемонстрировать, сколь наивной является вера в прямую связь между словами и референтами [4, p. 21].

Ещё раз подчёркивая преимущество своей гипотезы по отношению к работам теоретиков Новой Критики, Риффатер так очерчивает проблемное поле референциальной иллюзии: «Just as the intentional fallacy mistakenly substitutes the author for the text, so the referential fallacy mistakenly substitutes the reality for its representation, and tends mistakenly to substitute the representation for the interpretation we are supposed to make it» [4, p.22] – («Точно так как интенциональная иллюзия ошибочно замещает текст автором, точно так и референциальная иллюзия ошибочно замещает репрезентацию реальностью, и намеревается ошибочно заместить репрезентацию интерпретацией, которую мы предположительно должны осуществить»). Уникальность и принципиальное отличие идеи Риффатера от его предшественников заключается в том, что он не намерен исправлять существующую ошибку, так как это скорее обернётся её полным игнорированием, а не разрешением. Вместо этого, Риффатер призывает критиков и внимательных читателей учитывать существование референциальной иллюзии и принять тот неоспоримый факт, что эта ошибка является частью литературного феномена. А если «the fallacy is thus a valid process in our experiencing of literature» [4, p. 22] – («иллюзия является основательным процессом в нашем переживании литературы»), то задача критики состоит не в упразднении, а в определении функций данной ошибки, которые делают её неискоренимой из практики чтения. Более того, отхождение от текстоцентричных ориентаций теоретиков литературы середины XX века, позволяет определить читателя в качестве той фигуры, которая задаёт такой тип рационализации художественного произведения, в основании которого лежит априорное соотнесение реальности и её литературной репрезентации. Учитывая эти предпосылки, Риффатер так резюмирует новую функцию исследователя: «Hence the analyst's task is precisely to show which textual mechanisms trigger this rationalization and which govern the poem's meaning as they are gradually discovered when the rationalization fails to satisfy the reader» [4, p. 22]. – («Следовательно, задача аналитика – точно показать, какие текстуальные механизмы запускают эту рационализацию и обуславливают смысл поэмы, постепенно обнаруживаемые, пока рационализация не удовлетворит читателя»).

Розділ третій. Філософські проблеми науки і освіти

Две причины появления референциальной иллюзии и её функция

Существуют две причины, из-за которых референциальная иллюзия постоянно актуализируется – лингвистическая и сугубо литературная. Письменный язык устроен таким образом, что физическая форма слова не имеет прямой и естественной связи с референтом. Адекватное восприятие письменных знаков и означивание их нужным образом является следствием социальных договорённостей. В практике повседневной речи такой самообман оказывается весьма функциональным, ведь если за каждой вещью закреплено одно слово, наподобие ярлыка определяющее её, тогда коммуникация между индивидами имеет большую эффективность и продуктивность. Но подобное строго вертикальное соотнесение слов и реальных вещей не работает в литературном поле, где значение слов выстраивается внутри их взаимоотношения: «The reciprocal effects its words have on one another as members of a finite network replace the vertical semantic relationship with a lateral one, forged along the written line, tending to cancel the dictionary meanings of the words» [4, p.22]. – «Обоюдные эффекты, которые слова оказывают друг на друга как части конечного комплекса замещают вертикальное семантическое отношение разветвленным, формируясь между строк, стремясь отменить словарные значения слов». Для того чтобы продвинуться от поверхностного схватывания *смысла* (meaning) произведения к пониманию его *значения* (significance) читатель должен дважды прочесть текст. Первое эвристическое знакомство позволяет заметить лишь общий *смысл* и то, как благодаря миметической функции слова репрезентируют реальность. На этом же этапе читатель воспринимает определённые несогласованности в тексте, которые указывают на наличие метафоры, иронии, метонимии и так далее. Вторая – герменевтическая – фаза позволяет учесть полученное ранее впечатление от текста и проинтерпретировать его как единую структурную матрицу, выстроенную вокруг одного смысла или идеи, что позволяет добраться до *значения* произведения.

Две причины приводят к существованию референциальной иллюзии, но именно их сочетание также обуславливает верное прочтение и понимание литературного текста. Первая фаза чтения по своей сути является миметической, так как тут читатель наивно полагает, что каждое слово прямо связано с реальным референтом и попытка интерпретации текста исходя из этой предпосылки, продиктованной референциальной иллюзией, очень быстро заводит в тупик и вскрывает грамматическую неадекватность, а иногда и абсурдность текста. Эта неудовлетворённость и побуждает читателя вновь обратиться к тексту и искать референции только внутри самого произведения, что и позволяет добраться до смысла.

Таким образом, референциальная иллюзия может быть понята как обязательный элемент литературного опыта, без которого осуществить переход от мимезиса к семиозису будет невозможно. Анализ, проведённый нами в данной статье, демонстрирует, сколь эффективной может быть критика, направленная не на устранение авторитетного понятия, но на попытку осмысления выполняемой им функции. Майкл Риффатер, выступая, по сути, против референциальной иллюзии, тем не менее, показывает, что она является одной из важных составляющих, без которых литература и её восприятие не были бы возможны.

Литература:

1. Компаньон А. Демон теории / Антуан Компаньон. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
2. Martin B., Ringham F. Key Terms of Semiotics / B. Martin, F. Ringham. – London: Bloomsbury Academic, 2006. – 288 p.
3. Ogden C.K., Richards I. A. The Meaning of Meaning / C.K. Ogden, I.A. Richards. – San Diego: Mariner Books, 1989. – 396 p.
4. Riffaterre M. The Referential Fallacy / M. Riffaterre // Columbia Review. – 1978. – P. 21–35.
5. Whiteside A., Issacharoff M. On Referring in Literature / A. Whiteside, M. Issacharoff. – Bloomington: Indiana University Press, 1987. – 224 p.
6. Wimsatt W. K., Beardsley M. C. The Affective Fallacy / W. K. Wimsatt, M. C. Beardsley // The Sewanee Review. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1949. – P. 31–55.
7. Wimsatt W. K., Beardsley M. C. The Intentional Fallacy / W. K. Wimsatt, M. C. Beardsley // The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry / W. K. Wimsatt, M. C. Beardsley. – Lexington: University of Kentucky Press, 1954. – P. 3–21.